

Пистис София в литературе Нового Времени

Представление «магических» слов Иисуса Христа, практиковавшихся древними христианскими гностиками в Египте, для современного слушателя

Предыстория – как я пришла к использованию *Пистис Софии* в качестве «трамплина» в художественную литературу

Мне хотелось бы начать, подчеркнув, что эта статья написана как отражающая точку зрения автора современной литературы – скорее, чем лингвистическое или историческое исследование. И начнется она с объяснения, почему я решила воспользоваться «магическими» словами Иисуса в художественных произведениях. Затем она последует к рассуждению о задаче создать образы древних христиан-гностиков, которые могли бы произносить эти слова, с цитатами из романа, который я сейчас пишу, озаглавленного *Потерянный пистец (Rufius)*.

В 2004 году, занимаясь исследованиями для предыдущего романа, поиск в каталоге Британской Библиотеки привел меня к кодексу, рукописи Аскью, Add: 5114, обычно называемой *Пистис София*. Из чистого любопытства я заказала его.

Открыв первую страницу пергамента цвета слоновой кости, я оказалась в атмосфере тайны. Ознакомившись с доступными переводами, я продолжала возвращаться к ускользающим от перевода «магическим» словам. Не зная коптского языка и вооружившись только невнятными древнегреческим и коптским словарями, я попыталась перевести сама – и не смогла добиться никакого связного семантического смысла этих слов.

Вновь сидя на своем стуле в Восточном читальном зале Британской Библиотеки, отгадывая произношение, я шептала слова себе самой, повторяя их вновь и вновь. Промелькнула искра света: а не могут ли эти слова быть мантрой?

Я была изумлена: не обладает ли значением частота повторения фонетических звуков – а не их семантическая интерпретация? Повторение некоторых «магических» слов по всей рукописи, как и тот факт, что зачастую они находятся в *Пустис Софии* там, где Иисус совершает обрядовые действия, еще усилили эту догадку.

Дальнейшее чтение подтвердило, что в античном мире обмен идеями между азиатскими практиками и иудаизмом и христианством был возможен. Влияние мистицизма египетских религий, в дополнение к магическому содержанию эллинистических и еврейских рукописей и общей античной вере в магическое и чудесное, заставило меня принять эту идею. Как утверждает Фергюссон в *Backgrounds of Early Christianity*, «границы между религией и магией в античном мире были проведены не столь четко».¹

То, что «магические» слова в *Пустис Софии* могли оказаться неким видом мантр, было интригующей идеей, но я не богослов или лингвист. Неважно, было ли мое предчувствие верным. Для художественной литературы была нужна вероятность, что повторение «магических» слов могло использоваться так же, как современные восточные практики включают в себя мантры. Это было бы полезным, поскольку позволило бы сделать эти практики более доступными для западных читателей, знакомых, хотя бы смутно, с современными индуистскими и буддийскими практиками.

Др. Нерсисян, хранитель Британской Библиотеки, и др. Багчи из исторического и богословского департамента Университета Хуллы подтвердили, что мои подозрения правдоподобны. Эти слова вполне могли быть заклинаниями: древними мистическими паролями для трансцендентного.

Итак, кем были люди, пользовавшиеся «магическими» изречениями Иисуса Христа в *Пустис Софии*?

Произносились ли «магические» слова громко, распевались ли они в группах, как это делают тибетские монахи, или произносились в тишине пустынниками-эстетами, скрывавшимися в пещерах египетской пустыни?

И для чего использовались «магические слова»? Возможно, чтобы помочь практикующим выйти за пределы материального мира или чтобы открыть врата, которые рукопись описывает на пути через зоны в Царство Бога? Помогали ли они практикующим достигнуть состояния транса?

Писателю отсутствие свидетельств, позволяющих ответить на эти вопросы, предоставляет пространство для полета воображения. В отличие от историка или лингвиста, писатель хочет не доказать исторические факты логическим изложением свидетельств и аргументов. Вместо

¹ Ferguson, E. 1993. *Backgrounds of Early Christianity*. USA: William B. Eerdmans., P.212.

этого он хочет построить мир, достоверный для целевой аудитории, – мир, в котором читатель может прогуливаться и, взаимодействуя с образами и событиями, открывать свою собственную версию истины.

Мои исторические исследования привели меня к нескольким решениям. Прежде всего, сложная структура небес со всеми их зонами и областями оказалась слишком запутанной для художественной литературы. Требовалось упрощение. Местом действия романа будет Египет четвертого века. Представленная в романе христианская секта будет опосредованно связана с офитскими сектами, дурно характеризовавшимися отцами-пустынниками. История будет сосредоточена на взаимоотношениях между ученым в «дочерней» Библиотеке античной Александрии и молодым писцом, дружески относящимся к александрийским христианам из еретической и чисто фантастической Церкви Софии.

Одна из сюжетных линий прослеживает судьбу *Пистис Софии* – или, скорее, различных фрагментов, которые составили коллаж версий, использованный писцами для создания окончательной копии в рукописном кодексе Аскью, Add. 5114. Мы видим *Пистис Софию* при различных обстоятельствах, скопированной с греческих папирусных свитков, украденных и сохраненных в Серапеуме. Спасенные из пылающих погребальных костров, которыми эдикты императора Феодосия воскурляли фимиам христианской черни, позволяя грабить библиотеки и университеты, оставшиеся фрагменты были тайно вывезены из Александрии и отправлены в Верхний Египет для создания коптской версии на саидском диалекте, которая сейчас находится в Британской Библиотеке.

Есть разные уровни достоверности. Когда речь идет о классическом мире, факт может оказаться более баснословным, чем выдумка. Впрочем, позднеантичные римские романисты не избегают преувеличения фактов, пока они не вызывают придинок. Я позволила себе вольность с историческими пробелами – особенно в вопросе интерпретации «магических» слов.

**Представление «магических» слов Иисуса Христа,
практиковавшихся древними христианскими гностиками в Египте,
для современного слушателя.**

Есть баланс, который современному романисту приходится уравнивать: насколько аутентичными должны быть персонажи, которых он представляет, чтобы не отвратить современных читателей? Как может романист создать для читателя мост, чтобы преодолеть огромное расстояние во времени и сделать античную римскую культуру доступной для восприятия современного западного человека?

Римский мир настолько отличен от современной культуры, что писатель, добивающийся абсолютной аутентичности, рискует заставить современного читателя отвернуться. Как отметил в интервью Стивен Сэйлор: «романы, подобные *Эпикур, мой учитель* Макса Радина,

который стремится как можно ближе быть к аутентичности, не были популярны»² при публикации – возможно, потому, что современный читатель старается не отождествлять себя с героями.

Итак, как вплести «магические» изречения Иисуса в роман?

Это Египет, самая мистическая провинция Римской империи. Как ключевой порт на античных торговых путях, шедших от Китая до Рима и Константинополя, Александрия была эклектическим плавильным котлом идей. Хотя на закате четвертого столетия Аммиан Марцеллин помимо прочего свидетельствует³ (XXII. 16, 17), что город был центром науки четвертого века – особенно медицины, и медицина, астрономия, геометрия и искусство все еще привлекали ученых со всей империи, его утверждение, что город «тщательно сохраняет первые начала богопочитания, хранимые в секретных писаниях»,⁴ является примером окружавшей Египет атмосферы мистицизма и тайны.

Роман охватывает последние годы язычества, достигая кульминации при разрушении Серапеума в 391-392 годах н.э. Старшие христиане еще могли помнить гонения при императоре Юлиане, а более молодые уже могли привыкнуть к борьбе за православный символ веры, выразившейся во вспышках насилия на улицах Александрии. Христиане, пользовавшиеся *Пистис Софией*, оказались среди многих проигравших в теологической битве.

Маловероятно, чтобы последователей, рассматривавших «магические» изречения как священные, было много, поскольку эти учения достаточно сложны и явно не принадлежат к возрастающему мейнстриму церковных верований. Они должны были существовать на грани и из-за своей богословской сложности быть более доступными образованной элите. Возможно, что загадочный, образованный лидер мог бы попытаться популяризовать их для простых александрийских плебеев.

Такие персонажи как Сиф, лидер Церкви Софии, Генита, женщина-учитель, Кия, молодая сирота-священница, и Дера, отшельник в пустыне, все используют «магические» изречения Иисуса, позаимствованные из *Пистис Софии*.

Место, которое *Пистис София* уделяет Марии Магдалине, женщине-ученице, привело меня к созданию группы людей, допускавшей для женщин определенный авторитет и лидерство в обрядах и учении церкви. Образ старой нубийки Гениты, рассматривается как мудрый учитель и авторитет. Она обладает подобающей почтенной женщине, земной мудростью, которая у современных читателей может ассоциироваться с обладающей сильной волей бабушкой, которую суровые события наделили твердым панцирем, но мягким сердцем.

² Стивен Сэйлор в интервью: Сан-Франциско, США, октябрь 2010 г.

³ Аммиан Марцеллин XXII, 16, 15-17.

⁴ Аммиан Марцеллин XXII, 16. 20.

Исследование Венита в *Monumental Tombs of Ancient Alexandria*⁵ предполагает, что александрийские христиане использовали заброшенные древние египетские надгробия, чтобы погребать своих мертвецов. В отрывке ниже Генита использует «магические» слова «*Марахахфа мармарахфа иеана менаман аманеи*»,⁶ чтобы защитить себя и свою приемную дочь от часто посещающих древние места призраков, когда они входят в гробницу. Рассказ ведется в первом лице, от лица ее падчерицы.

«"Хорошо, давай-ка посмотрим, что сделала моя маленькая священница – ночь холодная. Я думала, что сказала тебе надеть шаль пошире?"

Ее грубые ладони, старые, но сильные, терли мои руки сверху вниз, заставляя кровь двигаться быстрее. Кожа свисает с костей как у змеи, меняющей шкуру. Моя кожа тоже когда-нибудь станет такой? София, дай мне прожить так долго, и я познаю трудности и стану такой же мудрой, как Генита – кроме ее истории с римлянами.

"Хорошо, девочка, веди меня".

Генита опирается на меня для равновесия, пока мы медленно, ступенька за ступенькой спускаемся в гробницу. Не так давно она поддерживала бы меня. Я топаю ногой по каждой ступеньке, чтобы отогнать голодных призраков.

"Так правильно, девочка. Не подпускай их к нам. Марахахфааа..."

"Марахахфа мармарахфа иеана менаман аманеи" – поем мы вместе».

(Уолтон, С. *Rufius*, глава 2)

Египет – дом пустынной эстетики, и роман не будет чувствоваться полным без пустытника. Персонаж Дера это одинокий образ. В романе ему не позволено говорить слишком много, но его присутствие очень важно, чтобы передать мистическую атмосферу Египта в четвертом столетии – и для романа.

Дера использует «магическими» изречениями Иисуса, чтобы приготовить себя к путешествию через разные зоны или описанные в *Пистис Софии* небесные ступени, чтобы достигнуть «спасения». Он отвергает идею христианского государства и обязательства римского гражданина перед *Pax Romana*. Мы сочли бы тех мужчин и женщин, уходивших в пустынное уединение, мятежниками. Вероятно, римские чиновники смотрели на них так же.

⁵ Venit, M. 2002. *Monumental Tombs of Ancient Alexandria: The Theatre of the Dead*, London: Cambridge University Press

⁶ Author Unknown (circa 200-300 AD) *Askew Codex Mss. Add. 5114. Pistis Sophia.*, Book 5, Chapter 142, 375

Дера, в голосе которого смешиваются мудрость пустыни и современный Нью Эйдж, – такого человека можно вообразить сидящим в калифорнийском кафе и молчаливо вспоминающим свой недавний опыт в вигваме индейского шамана в Аризонской пустыне.

Ниже находится отрывок, в котором Дера использует некоторые магические собрания гласных «аои»,⁷ чтобы помочь паломнику войти в транс.

«Ну вот: смешанная с желчью рвота стекает на его грудь. Подобно детям, ищущие полностью зависят от моей заботы, пока их души где-то странствуют.

Храни их теплыми.

Оборачивая его еще одним одеялом, я натираю его руки, ноги и тело, стараясь успокоить охватившую его дрожь.

Что бы ты ни делал, храни их теплыми и спокойными, – наставлял Сиф.

"Аои-аои-аои", – пять эти слова я научился у человека, который показал мне мудрость растения.

Повторяй эти слова, чтобы успокоить их душу. Не позволяй им слишком волноваться.

"Аои-аои-аои". Хорошо, дыхание Амена успокаивается.

Сиф был мирским человеком. Я – нет. Теперь я могу видеть его проповедующим на цоколе Карфагенского форума, пламенным, простирающим руки к толпе, привлекая их в церковь.

Я молюсь, чтобы воспламенить дух, который живет во мне. Дух, который может наслаждаться тишиной неба в пустыне, чувствует преодолевающую расстояния любовь, истекает со звезд и не нуждается в причинах для этого.

Но Сиф был прав, пение успокаивает их. Успокаивает воздух, прорываясь через напряженность атмосферы.

Амен невнятно бормочет. Мягко выдыхаемый шепот дразнит мои уши. Ничего не уловил.

Сиф сказал, что слова были магическими, что они могут преодолеть любой страх. Звук человеческого голоса может сделать это. После многих лет, проведенных в пустыне, я пришел к мысли, что любые слова. Это возможность слышать свой собственный голос, дающий утешение – подтверждение, что ты существуешь.

⁷ Неизвестный автор (ок. 200-300 AD) *Askew Codex Mss. Add. 5114. Pistis Sophia.*, книга 4, глава 142, 375.

"Аои-аои-аои", но эти слова разносятся в тишине быстрее и всегда первыми приходят мне на язык: привычка. Эти слова часто успокаивали мое бьющееся сердце, испуганное воплем пустынной кошки или шипением змеи в смоляной черноте одинокой ночи».

(Уолтон, С. *Rufius*, пролог)

Последний пример персонажа романа, использующего «магические» изречения Иисуса, это послушница Церкви Софии по имени Кия.

Генита нашла Кийю еще ребенком, оставленную на одной из мусорных куч в Александрии завернутой в юридические документы и счета. Она калека, но была принята церковью и обучена погребальной «магии» и обряду, проводящему дух умершего через эоны, или ступени небес, к его последнему воплощению.

Многочисленные мелкие фрагменты *Пистис Софии* и других христианских гностических рукописей, которые были найдены при раскопках мусорных куч в Оксирихе в 1897 году, могут указать, что обычные античные египтяне обладали невысоким уровнем грамотности – если определение этого уровня основывать только на чтении. Хотя священное искусство письма было сферой лишь немногих (элиты и образованных рабов), некоторые обычные люди могли знать несколько букв для своих нужд.

Бедные христиане, не способные позволить себе дорогих каменщиков для своих надгробий, могли знать некоторые священные символы. Кия обучена нескольким буквам и символам – образцы которых были открыты на древних христианских надгробиях в Александрии – чтобы изображать их на плитах.

В приведенном ниже отрывке Кийе тринадцать лет. священник Сиф только что совершил обряд, свободно включающий мистическое приношение Иисуса из книги 4, главы 142. 375 *Пистис Софии*. Заупокойная медитация, включающая «магические» изречения Иисуса, может напомнить современные практики кундалини-йоги, которая, подобно сектам офитов, пользуется символом змеи. Участники заупокойной церемонии, поднимая змея по своим позвоночникам, поют заклинание, находящееся в книге 4, главе 142 *Пистис Софии*. Мистическая практика церкви показана здесь глазами Кийи, участвующей в руководимой Сифом медитации.

«Пение Сифа приводит нас к общению с Софией, и она в ответ ведет нас к нашему собственному познанию Бога.

аои иоуо иао оиа псинофер феропсин опсифер неффомаоф нефиомаоф марахфа марарахфа иеана менаман аманеи исраи аминь аминь соубаибай аппаап амнинь аминь дераарай...

В нашем молчаливом бормотании мы оказываемся в нестрашном открытом месте; я ощущаю его широким и бескрайним как ночное небо как ночное небо. На краткий миг я потеряна в ночи и гуле молитвы на наших устах.

"... аминь аминь аминь иаи иаи тоуап аминь коукиамин миаи аминь аминь иаи иаи тоуап аминь аминь аминь маин мари марие мареи аминь аминь аминь".

Набирая силу как жужжание роя пчел, наше пение обретает свой ритм, унося меня со своей учащающейся пульсацией.

На окраине некрополя волна разбивается о берег. Далекий шум прорывается через мою сосредоточенность. Держи глаза открытыми: сосредоточься.

Я вновь нахожу свое место в хоре, и магические слова выскакивают из памяти, смывая прочь все отчаяние ночи.

Теперь вместе, наши голоса вибрируют как единое целое. Мое тело трепещет в такт пению. Сейчас он начнет вести нас со змеем.

"... аминь аминь иаи иаи тоуап аминь аминь аминь маин мари марие мареи аминь аминь аминь. Последуем пути змея".

Мы готовы.

Жар, красный и шипящий у основания моего позвоночника начинает подниматься по каналу, проложенному в моей спине священным змеем. Он скользит вверх. Мое дыхание становится неглубоким и медленным, помогая его странствию, вздымая его гранатово-красное тело вверх, вверх, вверх.

"... аминь аминь иаи иаи тоуап аминь аминь аминь маин мари марие мареи аминь аминь аминь".

Проводя руками над мертвым телом, лежащим на могильной плите, Сифф начинает провожать дух умершего из его тела, вдоль позвоночника и прочь из головы.

Мы все путешествуем с ним: так мы, христиане, говорим "прощай" нашим любимым. Мы следуем за образом змея по своим позвоночникам до макушки и поем, побуждая дух умершего поступить так же.

Мой позвоночник дрожит от возбуждения. Это мой любимый миг: когда я оставляю свое тело».

(Уолтон, С. *Rufius*, глава 14)

Голоса персонажей *Rufius* (романа, который я пишу) в приведенных выше отрывках предлагают видение правды о том, как и почему «магические» изречения Иисуса Христа в *Пистис Софии* были включены в их обряды, духовные верования и повседневную жизнь.

Для романа очень важно, чтобы читатель был заинтригован и увлеченно переворачивал страницы. Тайна, окружающая этих потерянных и почти забытых христиан, это прекрасный крючок, чтобы заинтересовать читателя.

Моя цель – сделать тех, кто считал *Пистис Софию* священной книгой, доступными для современных читателей. Роман *Rufius* пытается представить литературную версию античных христиан-гностиков, которые пользовались «магическими» словами Иисуса, – без потери их исторической, этической и духовной достоверности. Сколь бы чуждыми ни показались их верования современным христианам и секулярным западным людям, я надеюсь, смешивая знакомые элементы современной культуры и созданные образы, что читатели смогут отождествить себя с литературными персонажами со всеми их страхами, надеждами и мечтами.